

СТИВЕН УАЙТ,

профессор кафедры политологии, университет Глазго, Великобритания

Стратегические элиты и расширение Европы: российский вопрос¹

Abstract

The paper is based on research conducted for the project “Inclusion without Membership? Bringing Russia, Ukraine and Belarus closer to ‘Europe’” founded by the UK Economic and Social Research Council.

The author focuses on Russian foreign policy and those who influence it. In this context he had founded the most useful to speak of three key segments of Russian elites: ‘Liberal Westernians’, ‘Pragmatic Nationalists’, and ‘Fundamentalist Nationalists’. First, ‘Liberal Westernians’ favour a market economy, a democratic political system and a pro-Western foreign policy. Second, ‘Pragmatic Nationalists’ which views were first developed in the early 1990s as a critique of the pro-Westernism and have since become dominant. They do not entirely reject the views of Liberal Westernians, and they favour democracy, if not necessarily in the form in which it is understood in the West. Third, ‘Fundamentalist Nationalists’ are at the opposite end of the foreign policy spectrum and combine a strong commitment to what they regard as uniquely Russian qualities and a desire to re-establish Russian hegemony in the post-Soviet space with the antipathy to market economy.

The main conclusion is that there are long-term continuities in Russian foreign policy, stemming in part from objective geographical and other circumstances. The tactical changes are rather apparent, reflecting such developments as consolidation of a powerful presidency and an increase in the salience of Russia’s natural resources for

¹ Статья была представлена на V Международной конференции “Стратегические элиты и расширение ЕС: реакция и перспективы восточноевропейских стран, ныне в него не входящих” (Киев, 6–7 октября 2006 года). В ее основе лежат исследования в рамках проекта “Вхождение без членства? Приближение России, Украины и Беларуси к “Европе””, осуществляемого на средства Совета экономических и социальных исследований Великобритании, предоставленные Стивену Уайту, Марго Лайт и Рою Эллисону согласно гранту RES-00-23-0146. Более детальную информацию можно получить на веб-сайте проекта: <http://www.lbss.gla.ac.uk/politics/inclusionwithoutmembership/>. Благодарим за помощь в проведении исследований Юлию Коростелеву, за содействие нашей работе в Москве — Николая Кавешникова и Ольгу Крыштановскую, в Украине — Владимира Коробова.

its place in the international community. There are clear associations between foreign policy stances and the variety of interests that shape Russia's post-communism foreign policy. Besides political parties which are associated with particular stances, there are business associated with Pragmatic nationalists, and Orthodox Church with a more Fundamentalist position. It is also clear that presidency may be best seen as 'balancing' element, avoiding an exclusive commitment to either extreme.

Как в “Европейском проекте” движущей силой были элиты, так и на отклики руководства республик бывшего СССР несоразмерно большое влияние оказывали взгляды внешнеполитических кругов. Широкая общественность избирает парламенты и президентов, определяющих законодательный процесс. Иногда она высказывает свои взгляды прямо, как в случае демонстрации, встречавшей летом 2006 года прибывшее в Крым американское транспортное судно, а в некоторых случаях ее позиция может оказаться решающей, как, к примеру, в случае референдума, призванного решить вопрос о членстве Украины в НАТО. Но острота вопросов внешней политики, как правило, не велика, как и степень их освещения [2; 25]. Но как бы то ни было, касательно предлагаемых населению во время всеобщих выборов программ часто наблюдается широкий консенсус, а в избранных парламентах — высокая степень межпартийного согласия. Это означает, что внешняя политика встречает меньше препятствий, чем внутренние дела, и что дебаты ведутся и в рамках обычного процесса реализации партийной политики, и, как минимум, в той же мере, в рамках дискурса элит.

Даже в советский период элиты не были монолитными, поэтому в нашей работе мы сочли полезным различать пять ключевых сегментов. В первую очередь, нас интересуют институты президентства: во всех славянских республиках президент избирается прямо, обладает исключительным контролем над вооруженными силами, доминирует в сфере назначений и, как правило, в политическом процессе (а значит, нас особенно интересуют те, кто консультирует их, как внутри, так и вне президентской администрации). Во-вторых, нас интересуют министерства, и в первую очередь — министерство иностранных дел, а также министерства обороны, безопасности и (там, где они есть) по вопросам отношений с другими республиками бывшего СССР. Как объяснил на своей первой пресс-конференции Сергей Лавров, “Президент определяет внешнюю политику, а министерство иностранных дел ее осуществляет” (цит. по: [36, с. 28]). Подобные формулировки мы слышали и от других высокопоставленных дипломатов, с которыми беседовали на эту тему. Но количество и сложность встающих перед ними задач де-факто предполагает некоторый выбор приоритетов, и поэтому есть определенные основания для того, чтобы связать каждого отдельного министра иностранных дел с соответствующей его специализации направленностью. Например, для Евгения Примакова это будет арабский мир, а для его преемника Игоря Иванова — Западная Европа, в частности Испания и Португалия.

Третий ключевой сегмент, менее открытый для стороннего наблюдателя, — круг лиц, ответственных за оборону и безопасность. Это обязательно должна быть группа, непосредственно вовлеченная во все аспекты взаимоотношений с другими странами, а в случае России — группа, в которую входит Федеральная служба безопасности (ФСБ), которой руководит член

возглавляемого Президентом Совета безопасности. Поскольку Путин — выходец из КГБ, некоторые исследователи стали приписывать особое влияние *силовикам* вообще и выдвигать гипотезы, что именно их “патриотические”, но при этом авторитарные взгляды наиболее близки к позиции самого президента (см.: [6; 43; 71]; несколько иной взгляд изложен в [68]). Не вызывает сомнений, что *силовики*, в среде которых встречаются различные точки зрения, имеют особое понимание места России среди народов мира [44]. При этом за время второго президентского срока Путина они заняли руководящие посты в крупнейших компаниях, в первую очередь имеющих отношение к природным ресурсам и обороне.

Четвертый сегмент, который мы выделяем в нашем анализе, — парламентские институты. В постсоветских республиках избираемые народом парламенты, как правило, слабо влияют на политический процесс, но в Украине после “Оранжевой революции” его роль существенно возросла, и нас интересует не столько парламент в целом, сколько специализированные парламентские комитеты, а именно по вопросам иностранных дел, обороны, безопасности и связям с СНГ. Эти комитеты уполномочены наблюдать за деятельностью министров, рассматривать назначения на дипломатические должности, оценивать международные договоры и комментировать государственный бюджет [1, гл. 2]. Мы также включаем в свой анализ сферу бизнеса, и прежде всего крупные корпорации, распоряжающиеся природными ресурсами, являющиеся частью международной экономики и все теснее переплетающиеся с правительством.

Существуют различные формы оценки мнения элиты, например, опросы парламентариев (см., напр.: [58]), хотя рядовые депутаты не обязательно входят в политическую элиту, а тем более — в круги, имеющие существенное влияние на внешнюю политику. Другая методика заключается в использовании вопросников с фиксированными вариантами ответов для сбора мнений в еще более узко очерченной группе (см., напр.: [48]). Это также позволяет получить количественные показатели, но сильнее зависит от выбора респондентов и формулировки вопросов. Неплохие результаты дает контент-анализ публичных заявлений [49]. Наши методы стоит рассматривать как вспомогательные: непосредственное интервьюирование членами проектной группы или коллегами на местах на основе списка вопросов, на которые респондент должен взвешенно ответить своими словами. С позволения опрашиваемого интервью полностью записывается, и сразу после этого составляются подробные резюме, проверяемые и дополняемые другими членами команды интервьюеров (если интервью проводит наш местный коллега, предоставляется полная расшифровка разговора). С 2004 года мы лично провели в Беларуси, Украине и России около 80 таких интервью, и еще 36 интервью провели в России и Украине наши коллеги. Предметом данной статьи является внешняя политика России и те, кто на нее влияет¹.

¹ В этой статье не нашлось места полноценному обсуждению достоинств и недостатков интервьюирования представителей элиты, но следует отметить существование определенного сдвига выборки (представители армии и органов безопасности по понятным причинам неохотно соглашались на интервью, а те, кто согласился, были, несомненно, более прозападными, чем внешнеполитическое сообщество в целом). По просьбам

Модели внешнеполитических предпочтений

В отношении обозначений, наиболее подходящих для описания взглядов различных кругов российского внешнеполитического сообщества, практически нет согласия. Но в том, что касается сути, консенсус гораздо больше. К примеру, по мнению Дзялошинского и Дзялошинской [21], позиции представителей элиты можно разделить на три группы: “изоляционисты”, “конвергенты” и “юнионисты”. Баталов [7], приводя схожие формулировки, говорил о “друзьях” (Запада), “скептиках” и “разочарованных”. Циммерман [80] пользуется двумя категориями, уходящими корнями глубоко в историю русской социологической мысли: “западники” и “славянофилы”. Цыганков [78] использует более подробную классификацию, различая “интеграционистов”, “балансеров”, “неоимпериалистов” и “нормализаторов сильной власти”. Сергунин [72] выделяет еще больше групп, среди которых “атлантисты” (или “западники”), “евразийцы” (“демократы” или “славянофилы”), реалисты, либералы, неомарксисты (как “традиционные”, так и “социал-демократического толка”) и постмодернисты.

Для нашей работы наиболее полезным оказалось разделение на “либеральных западников”, “националистов-прагматиков” и “националистов-фундаменталистов” (термины впервые предложены в: [1]). *Либеральные западники* выступают за рыночную экономику, демократическую политическую систему и прозападную внешнюю политику. Они верят в тесные связи с НАТО и Европейским Союзом и активное сотрудничество и членство в международных институтах, причем не из соображений выгоды, а потому, что разделяют европейские ценности и полагают, что Россия должна принять их. Хотя они выступают за поддержание добрососедских отношений с другими бывшими республиками СССР, они также верят, что России следует отказаться от исторических традиций сверхдержавы и всяческих иллюзий по поводу ее особой роли в качестве моста между Европой и Азией в пользу развития проевропейской ориентации. Мы увидим, что, хотя количество либеральных западников исчезающе мало, их взгляды все еще оказывают влияние на внешнеполитические элиты.

На противоположном полюсе внешнеполитического спектра находятся те, кого мы называем “националистами-фундаменталистами”. В их взглядах ярая приверженность к тому, что они называют исконно русскими качествами, и стремление восстановить гегемонию России на просторах бывшего СССР сочетаются с антипатией к рыночной экономике; они также склонны приветствовать более тесную интеграцию Содружества независимых государств. В основе взглядов националистов-фундаменталистов лежат евразийская и геополитическая школы мысли XIX — начала XX веков. Они понимают евразианизм как в географическом, так и в экономическом плане и

респондентов некоторые интервью проводились в неформальной обстановке, например, в кафе или ресторанах, где было сложнее добиться удовлетворительного качества записи. Наши интервью занимали около 45–60 минут, иногда дольше. Респондентов заверили, что анализ их позиций не будет сопровождаться указанием конкретных имен, а некоторые интервью по просьбе респондентов были полностью анонимными. Первые интервью в России были проведены весной 2004 года, последние — в сентябре 2006-го. Мы также имели возможность воспользоваться интервью, собранными в рамках предыдущего проекта. Полный отчет о работе приведен в: [1].

утверждают, что России принадлежит уникальная роль вести политику “третьего пути”, который предполагает авторитарное правление и корпоративистскую экономику. Они враждебно относятся как к НАТО, так и к ЕС: более прямолинейные националисты видят в них силы, угрожающие целостности российского государства, коммунисты — средства утверждения внешнего влияния и превращения России в “сырьевой придаток”.

Взгляды *националистов-прагматиков* сформировались в начале 1990-х годов на основе критики прозападной ориентации тогдашнего министра иностранных дел Андрея Козырева и с тех пор стали доминирующими. Националисты-прагматики не отвергают полностью идеи либеральных западников и выступают за демократию, пусть и не обязательно такую, какой ее понимают на Западе. Они также поддерживают рыночную экономику, хотя не отрицают государственного контроля над стратегическими ресурсами. При этом они, как и националисты-фундаменталисты, верят в статус России как сверхдержавы и легитимность ее присутствия в других бывших советских республиках. Для националистов-прагматиков в сферу ключевых интересов России входит все геополитическое пространство бывшего СССР, и они уверены, что международное сообщество должно признать за Россией особую ответственность за гарантирование стабильности в этом регионе. Они не считают реалистичными попытки возродить СССР, но поддерживают как можно более полную реинтеграцию бывших его членов. Более того, националисты-прагматики верят в то, что политика в отношении Запада, в том числе в отношении ЕС и НАТО, должна основываться на рациональном анализе национальных интересов России. Они также выступают за диверсификацию внешней политики и, к примеру, утверждают, что более тесные связи с бывшими союзниками по СССР и с новоиндустриальными странами Азии и Ближнего Востока дадут России дополнительные рычаги давления в отношениях с Западом.

Следует отметить, что все приведенные выше определения обозначают политические позиции, а не фиксированные группы лиц. Они подразумевают согласованное сочетание взглядов на международное положение России, а также на природу российского общества. Зачастую они могут основываться на гораздо более ранних взглядах на отношения России с внешним миром, и в первую очередь с другими странами европейского континента. Но позиция отдельных лиц может меняться, и они могут перемещаться между институтами, защищающими довольно разные интересы. Поэтому эти позиции не следует “реифицировать”. В равной степени подвержен изменениям и спектр мнений в целом, под действием либо внешних обстоятельств (к примеру, проводимой НАТО кампании бомбардировок Югославии), либо внутренних процессов (в частности, усиления власти президента по отношению к другим политическим игрокам). Изучив три обозначенных дискурса, мы зададимся вопросами об этих расширенных паттернах перемен, произошедших за время второго президентского срока Путина: как об изменении системы взглядов отдельных лиц, так и о сдвигах в масштабах всего этого спектра мнений.

Либеральные западники. Для либеральных западников Россия по своей истории, культуре и ментальности, вне всякого сомнения, — часть Европы, и ее естественная ориентация заключается в том, чтобы быть вместе с другими европейскими странами. С этой точки зрения Россия должна как можно полнее усвоить европейские стандарты, развивая торговлю и другие

формы сотрудничества, и в конце концов (так или иначе) прийти к полному членству в Европейском Союзе и НАТО. К примеру, глава комитета Государственной Думы по международным делам Константин Косачев заявляет: “Наш народ уже чувствует себя частью европейской цивилизации, ... [пусть] пока не принятой и не понятой до конца” [37]. С точки зрения Сергея Караганова, заместителя директора Института Европы РАН и председателя президиума весьма влиятельного Совета по внешней и оборонной политике, Россия также, безусловно, является европейской страной, “хотя и своеобразной” [31]. Другие опрошенные нами либералы считают, что проблема заключается не в России как таковой, которая “в историческом и культурном плане — европейская страна”, но в структуре власти, которая “до сих пор советско-большевистская”.

Либеральные западники поддерживают дальнейшие демократические реформы, как ради самих реформ, так и потому, что они облегчают путь к более тесному сотрудничеству с другими европейскими странами. Как сказал Косачев, “нам нужно твердым курсом идти к демократии”, пусть и “своим сложным путем, который по определению не может быть похож на судьбы других стран” [37]. Соответственно, либеральные западники враждебно относятся к “консолидации системы управляемой демократии” под руководством Путина [4]. Они полагают, что без “укрепления демократии в Российской Федерации” будет невозможно упрочить отношения с другими европейскими странами [62]. Если же этого сделать не удастся, то “имитация демократии и рынка неизбежно будет сопровождаться и имитацией партнерства России с Западом” [73].

В долгосрочной перспективе, считают либеральные западники, стратегической целью России должно быть вхождение в “сообщество государств с рыночными экономиками, с верховенством закона, с независимой судебной системой и независимыми СМИ” [38]. В действительности любые другие национальные стратегии не просто нереалистичны, а потенциально катастрофичны. К примеру, по мнению Караганова, “идея о создании стратегического блока с Китаем и Индией... является просто мертворожденной”, а союз с радикальными исламистами и попытки возглавить коалицию падающих государств приведут к “национальной катастрофе” [32]. В итоге Россию ожидает “уменьшение населения и доли в мировом ВВП”, и в конце концов она станет “не центром силы, а центром слабости” [31].

Многие либеральные западники считают логичным итогом не просто ту или иную форму партнерства, а именно членство в Европейском Союзе и НАТО, хотя обе эти организации требуют от нее радикальных или более эволюционных изменений. Караганов считает, что уже пришло время “поставить вопрос о возможном загоризонтном членстве России [в ЕС]”, пускай даже “новой и другой России” [31]. Надежда Арбатова призвала “постепенно включить” Россию в “интеграционные планы” ЕС и отметила, что, хотя говорить о членстве “преждевременно”, в долгосрочном плане нет причин, почему Россия, если она станет полностью демократической страной, не должна добиваться вступления в ЕС [5]. К.Косачев в 2006 году поднял гораздо более щепетильный вопрос о том, может ли сотрудничество с НАТО перерасти в “углубляющуюся инкорпорацию”, хотя для того, чтобы эта возможность стала реальной, измениться должен сам Альянс.

Основание для такого сотрудничества С.Караганов усматривает во внешних угрозах, направленных против России и стран-членов ЕС/НАТО,

таких как “силы, враждебные России и США”, организовавшие беспорядки в Узбекистане [33]. К общим интересам можно также отнести “предотвращение распространения ядерного оружия, борьбу с международным терроризмом и исламским экстремизмом, недопущение превращения Китая в геополитического соперника (для США) и устранение угрозы, которая может возникнуть (для России) в связи с углублением геоэкономического вакуума на Дальнем Востоке России и в Западной Сибири”. Согласно Косачеву, это даже может быть основой для более далекоидущего союза, поскольку Запад будет открыто заинтересован в появлении “надежного союзника на Востоке”, при этом “разделяющего с ними одни ценности” [37].

Гораздо больше тех, кто не разделяет точку зрения на членство как нечто реалистичное, а то и желанное, но при этом считает, что Россия может и должна стать членом западного политического сообщества без каких-либо более формальных связей с ЕС и НАТО. Оказалось, что отношений такого рода легче всего достичь путем сотрудничества между Россией и другими членами Содружества независимых государств, прежде всего — с Украиной [22; 73]. Но для этого России придется стать привлекательным партнером, что означает “комфортность проживания для подавляющего большинства граждан, высокий уровень и качество жизни, безопасность, возможность для самореализации в разных сферах жизни”, другими словами, поднятие авторитета России в мире означает, что “начинать нужно с “обустройства” самой [этой] страны” [70].

Позиции такого рода были широко представлены среди политических партий, принимавших участие в выборах в Государственную Думу в декабре 2003 года, в частности, либеральной партии “Яблоко” и “Союза Правых Сил”. В программе “Яблока” настойчиво утверждалось, что Россия является “европейской страной в силу своей исторической судьбы, культурных традиций [и] географического положения”, потенциал которой может раскрыться только “через творческое освоение ценностей европейской цивилизации” и, в конечном итоге, после “интеграции с Европейским Союзом” [67]. Предвыборный манифест СПС также призывал к “интеграции России в Европу, ее структуры и институты, выравниванию уровня и качества жизни россиян и европейцев” (см.: www.sps.ru/?id=205834). Однако ни одна из этих партий не преодолела пятипроцентный барьер, необходимый для прохождения по партийным спискам, и ни одна из них не выдвигала своего кандидата на президентских выборах весной следующего года. Понятно, что по их результатам на выборах нельзя сказать, что прозападные ценности, с которыми в общественном сознании ассоциировались эти партии, пользуются значительной поддержкой электората.

Националисты-прагматики. Националисты-прагматики, наиболее многочисленная группа среди опрошенных нами, также убеждены, что Россия — европейская страна, но они сильнее, чем либеральные западники, акцентируют внимание на ее особенных чертах и на важности ее связей не только с европейскими, но и с азиатскими державами. Типичную формулировку озвучил один из видных депутатов Госдумы: Россия — “уникальная часть Европы”, а один из высокопоставленных чиновников МИД заявил, что, хотя Россия в географическом и культурном плане — европейская страна, “у нее свой менталитет”. На практике это нередко может использоваться для оправдания авторитарных форм политики или, во всяком случае, политической системы, которая (как сказал в своей инаугурационной речи Пу-

тин) не будет “второй редакцией” политических систем Великобритании или Соединенных Штатов (“Российская газета”. 31 декабря 1999 года). В то же время националисты-прагматики полагают, что для повышения эффективности государственной власти в России следует укрепить верховенство закона и снизить уровень коррупции [74].

Националисты-прагматики в целом приветствуют близкие и стабильные отношения с ЕС, но не обязательно воспринимают членство как основную цель. Они не выступают против расширения ЕС и не считают, что имевшее место на тот момент расширение серьезно ущемляет интересы России, однако высказывают вполне понятные опасения, не скажется ли более тесная интеграция на традиционных рынках России в Восточной и Центральной Европе. Один из националистов-прагматиков в интервью нам высказал идею, что упрощение доступа на эти рынки не сыграет существенной роли, поскольку России “нечего экспортировать, кроме нефти, газа, металлов и древесины”. Другие утверждали, что международная торговля пострадает, как и свобода перемещения людей, в том числе родственников (страхи, которые выглядят беспочвенными). С этой точки зрения у России нет иного выхода, кроме как развивать по возможности свои отношения с ЕС, но это должны быть особые отношения, отличные от тех, которые ЕС в настоящее время поддерживает с другими государствами, оказавшимися после расширения его соседями.

Националисты-прагматики более склонны к точке зрения, что России следует полагаться на собственные ресурсы, а не на помощь (для некоторых — вмешательство) Запада, поэтому для них приоритетными задачами являются внутренние, такие как демография и окружающая среда. А значит, Россия должна “стать современной страной с развитой экономикой, обеспеченной безопасностью и привлекательным имиджем” [74]. Другими словами, она должна “реализовать цели исторической модернизации: преодолеть “ресурсное проклятие” и реально начать наконец закладывать основы постиндустриального уклада” [79]; или же, по словам тогдашнего председателя комитета Госдумы России по экономической политике, предпринимательству и туризму Валерия Драганова, она должна усиливать свое влияние посредством “реального повышения качества и конкурентоспособности экономики” [13]. А по словам Дмитрия Тренина, Россия “не может рассчитывать на интеграцию в западные институты — НАТО и Евросоюз. Она может добиться достойного места в мире только на путях глубокой внутренней трансформации и просвещенной внешней политики, главная цель которой состоит в привлечении внешних ресурсов для модернизации страны”.

В связи с этим отдельным приоритетом являются развитие Сибири наряду с налаживанием “дружественных и равновесных отношений с Китаем”, “превращение Японии в главного партнера России в деле технологической модернизации Сибири и Дальнего Востока” и дальнейшее сближение этих регионов страны с европейской западной частью [75; 76]. С этой точки зрения, США — “и не друг и не враг[, а] партнер”, с которым надо как можно больше сотрудничать, но в отношениях с которым могут возникать моменты, как в случае Грузии и Украины, когда, по словам председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Ю.Шарандина, “наши интересы могут не совпадать” [3].

Избирательный локомотив националистов-прагматиков и самого Кремля — партия “Единая Россия”, набравшая на выборах в Госдуму в декабре

2003 года по партийным спискам более трети голосов. В своей предвыборной программе партия провозглашала формирование “пояса дружбы” из других членов СНГ и “режима антитеррора”, который призван бороться как с чеченскими террористами, так и с ответственными за атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября, но должен опираться на принципы международного права и признавать особую компетенцию ООН. “Единая Россия” выступала также за “разумную и внятную миграционную политику”, которая позволит их соотечественникам вернуться в Россию; введение к 2008 году безвизового режима со странами Европейского Союза в рамках Шенгенского соглашения и поддержание дружественных отношений с США [64].

Националисты-фундаменталисты. Националисты-фундаменталисты делают еще больший упор на азиатские черты России как одну из причин ее ярко выраженной евразийской идентичности. Они опираются на издавна существующую славянофильскую традицию, которая рассматривает Россию как уникальную цивилизацию, во многом превосходящую западную (см., напр.: [20]). Один из интервьюируемых, очень настойчиво отстаивавший евразийскую идентичность России, дошел до утверждения, что именно Россия, а не Европа, была оплотом цивилизации. Другой определил Россию как “Восточноевропейско-евразийский союз”. Другие объясняли, что в религиозном аспекте Россия, как и Европа, относится к “христианской цивилизации”, однако имеет свои особенности, “проистекающие из климатических отличий и событий российской истории XX века”. Те, кто настаивает на этой “уникальности”, как отметил историк Александр Чубарьян [10, с. 27], также склонны различать “русский” европеизм и европеизм “классический”, критикуя “бездуховность” “классического”, или западного, варианта.

Фундаменталисты склонны делать акцент на отношениях России с другими государствами Азии и бывшими республиками СССР, в том числе центральноазиатскими. Также они весьма прохладно относятся к ЕС и еще прохладней — к НАТО. С их точки зрения, ЕС “насквозь проникнут лицемерием и двойными стандартами” (газета “Советская Россия”, 14 сентября 2004 года). Согласно этой точке зрения, Россия, по словам Михаила Маргелова, председателя Комитета Совета Федерации по международным отношениям, за плечами которого работа в КГБ и арабских странах, не должна стремиться к вступлению в Евросоюз, а рассматривать себя в качестве “самостоятельной силы в евразийском пространстве” [52]. ЕС, добавляет первый заместитель председателя комитета Госдумы РФ по международным отношениям Юлий Кривицкий, — это “сложный, мелочный и алчный партнер, по-настоящему заинтересованный исключительно в получении привилегированного доступа к нашим исчерпаемым природным ресурсам и эксплуатации нашего рынка” [41]. В другой статье он писал, что в интересах России в долгосрочной перспективе не иметь такого могущественного соседа, причем озирающегося на США, и гораздо лучше, если он будет слабым и зависеть от поддержки России [42].

Нам кажется оправданным относить к лагерю “националистов-фундаменталистов” *силовики* и, соответственно, большинство представителей президентской администрации. *Силовики*, как показывают наши интервью и их официальные заявления, имеют четкие взгляды по многим вопросам, в том числе и на внешнюю политику. Их “национальный проект”, по определению, включает в себя патриотизм, антизападничество, империализм, православный клерикализм, милитаризм, авторитаризм, культурное единооб-

разие, ксенофобию, экономический дирижизм и демографический пессимизм [63, с. 59–60]. Элементы такого мышления явно просматривались в ответах первого заместителя руководителя администрации президента России Владислава Суркова на вопросы, заданные ему в сентябре 2004 года в ходе газетного интервью. Есть “хороший” Запад и “плохой” Запад, объясняет Сурков. Первый хочет, чтобы Россия была “добрым соседом и надежным союзником”, а цель второго — “разрушить Россию и заполнить ее огромные пространства многочисленными недееспособными квазигосударственными образованиями”, используя для этого “пятую колонну” — внутренних оппозиционеров (газета “Комсомольская правда”, 29 сентября 2004 года).

В наиболее развитой форме эта система взглядов представлена в многочисленных работах Александра Дугина, лидера Международного евразийского движения. Он пишет, что “Россия — не европейская страна. Россия — страна евразийская... [Это] синтез из восточных, азиатских и западных европейских черт”, и ее “надо сравнивать с самой Европой или с Индией как с цивилизацией” [13]. Ее непосредственным противником являются США, цель которых — видеть Россию “слабой, послушной, зависимой, управляемой”, возможно, даже расчлененной и находящейся под “внешним управлением” [17]. С точки зрения Дугина, не подлежит сомнению, что США отменили негласный договор не вмешиваться в ситуацию на территории бывшего СССР и объявили “геополитический джихад”, ныне распространяющийся на территорию Северного Кавказа и Поволжья с использованием все тех же отработанных в других частях региона “оранжевых” методик [14]. В результате влияния России в постсоветском пространстве “все более сужается”, а перспективы евразийской интеграции “становятся все более проблематичными”. На повестке дня ““оранжевые” революции” в Минске и Астане с теми же целями: “сорвать реинтеграцию постсоветского пространства” [15].

Националисты-фундаменталисты полагают, что очевидным ответом на это будет упор на необходимость многополярности и поиск поддержки всех тех, кто отвергает доминирование Америки, к которым, по словам Дугина, относятся “все страны Запада и Востока, которые... отвергают американскую гегемонию США, однополярность и пресловутую “милостивую Империю”” [16]. Стратегия такого рода, полагают другие, “будет не конфронтационной, но жесткой и последовательной”, направленной на срыв основной задачи Америки, заключающейся в “отделении Европы от России”. Как сказал заместитель председателя комитета Союза Федерации по делам СНГ Андрей Ищук, “ну не нужна им единая Европа... Тем более создавшая прочные партнерские отношения с Россией”. Поэтому, с точки зрения националистов-фундаменталистов, Россия также должна взять на себя роль лидера Содружества независимых государств. К примеру, согласно Маргелову, у России бесспорное экономическое лидерство в пространстве СНГ, но ее политическое влияние “неуклонно снижается”, и одним из возможных путей решения этой проблемы является “создание центра интеграции из нескольких бывших союзных республик во главе с наднациональным органом” [52].

Коммунистическая риторика, представленная Геннадием Зюгановым [84; 85], также делает ударение на славянском союзе и особых качествах русского народа как “стержне великой государственности и духовности”. По мнению Зюганова, возводится “суперимперия во главе с США”, и американцы и их союзники по НАТО “пытаются захватить важнейшие природные ресурсы и плацдармы в Европе, на Арабском Востоке, на Кавказе и в

Средней Азии”. Стратегическая задача Америки — “не допустить объединения братских народов в Союзном государстве”, и она делает все возможное, чтобы ввести их в состав НАТО и ЕС, создав тем самым “санитарный кордон” вокруг России. После этого Россия будет расчленена и захвачена, а восточных славян ждет “унизительное, полуколониальное существование” и, в конце концов, “вымирание”. Зюганов считает, что единственным эффективным способом избежать этой ужасной судьбы является создание “обновленного Союзного государства, идущего на смену предательски разрушенной Советской Державе”, и что это, ни много ни мало, “вопрос нашего исторического выживания”.

Есть и еще более фундаментально националистическая позиция, согласно которой внешний мир чуть ли не в открытую объявляет о заговоре против России и ее жизненных интересов. В этих апокалиптических видениях присутствует все: олигархи вроде Березовского и Ходорковского, “изменник” Горбачев и “семья” Ельцина, организовавшие “тихие” государственные перевороты в Украине и других странах диверсанты, работу которых оплачивают международные агентства (см., напр.: [26]). Еще более дикие версии этой теории заговора приписывают ключевую роль масонам, евреям, иллиминатам и пр. (см., напр.: [58]). Хотя подобные взгляды занимают крайние позиции политического спектра, у них есть что-то общее с восприятием, очевидно, хорошо укоренившимся в самом Кремле, согласно которому немцы, исламские фундаменталисты и китайские экспансионисты предпринимают скоординированные попытки разрушить российское государство и аннексировать ее периферийные территории [50].

Опять-таки, в партийных документах эти взгляды выписаны более полно. Коммунисты считают, что следует устранить все препоны для объединения России, Беларуси и Украины в “единое союзное государство” на “добровольных, демократических началах”, и следует приложить все усилия, чтобы восстановить позицию России в мире, избежав таким образом “окончательной колонизации” и “печальной участи Сербии или Ирака” (“Российская газета”, 11 ноября 2003 года). По мнению представителей левонационалистического блока “Родина”, российских дипломатов следует проинструктировать “активно защищать интересы национальной экономики на международной арене”, в том числе на переговорах со Всемирной торговой организацией. Как и другие партии, они делают акцент на реинтеграции советских республик, начиная с образования общего правительства с Беларусью (“Российская газета”, 12 ноября 2003 года). Правая Либерально-демократическая партия, также преодолевшая пятипроцентный барьер, видит своей целью восстановить Россию как “мировую сверхдержаву” во главе бывших советских республик и “Восточного блока”, который станет противовесом НАТО [66]. Все эти три партии получили места в новой Думе по партийным спискам, набрав в общей сложности около трети всех голосов избирателей.

Смена моделей и энергетическая сверхдержава

Эти типы моделей оставались достаточно стабильными во время двух президентских терминов Путина и отражали определенные конфигурации интересов. Но становление России как энергетической сверхдержавы, ярко проявившееся в разногласиях насчет цен на газ с Украиной зимой 2005–

2006 годов и с Беларусью годом позже, обнаружило новые обстоятельства. По этим и другим причинам вся внешнеполитическая риторика сдвинулась в сторону прагматичного национализма, и некоторые из уже упоминавшихся лиц изменили свою позицию, в большинстве своем в пропрезидентском направлении. Далее я рассмотрю эти изменения, после чего попытаюсь более систематично классифицировать позиции во время президентства Путина и соотнести их с организованным отстаиванием своих интересов в более широком контексте выработки политических решений.

Либеральные западники. Глава думского комитета по международным отношениям Константин Косачев остается ярким представителем европейцев, как и Владислав Иноземцев, главный редактор журнала левой направленности “Свободная мысль” и профессор Высшей школы экономики, где он возглавляет Центр исследований постиндустриального общества. Для Иноземцева Россия — “европейская по своей истории и культуре страна, которая очевидным образом ориентирована на Европу”. В ближайшие десятилетия Россия “перестанет быть азиатской державой, все более сосредоточивая свои интересы в Европе”. Согласно Иноземцеву, нет ничего плохого в том, чтобы тешить себя рассуждениями о высшем предназначении, но если задача еще и в том, чтобы попытаться его адекватным образом понять и реализовать, “то “полигон” для этого один — европейский”. Более того, возвращение в Европу могло бы стать “национальной идеей” России, причем возвращение не в качестве тридцать какого-то члена, “а в качестве силы, способной трансформировать Старый Свет, омолодить его, придать Европейскому Союзу качественно новое геополитическое и геоэкономическое измерение”. Геополитические и военные ресурсы России в сочетании с европейскими технологиями и европейским присутствием в мире “сделали бы Евросоюзу неоспоримым глобальным лидером” [27].

Западники обвиняют Запад в использовании двойных стандартов. Не все во внутренней политике России “идеально”, признает Косачев, однако американская и, во многом, европейская реакция была “неадекватна”, а права и свободы в России волнуют иностранцев более всего под углом зрения собственных интересов, а не насущных нужд простых россиян [39]. “От этого прессинга и массивной агиткампании по поводу “скатаывающейся к авторитаризму России”, — пишет Косачев в другой статье, — создается впечатление, что наша страна рассматривается в роли объекта “рейдерской операции”, в ходе которой его всеми средствами дискредитируют для достижения экономических выгод и уступок” [40]. Подлинная демократизация, плюрализм мнений и уважение чужих позиций — “было бы замечательно, если бы все это нашло воплощение в реальной внешнеполитической практике США” [39]. Зато в отношениях с ЕС “все объективные условия для прорыва существуют — и взаимная экономическая потребность, и общий взгляд на многие актуальные мировые проблемы”. Но жизненно важно установить еще одно общее для двух сторон пространство — “пространство доверия” [40].

По сравнению с 2005 годом, наиболее существенным изменением во всех рассмотренных позициях стало то, в какой мере Россия представляется “энергетической сверхдержавой”. Такие сверхдержавы, замечает Иноземцев, “истории не известны”. США тоже не видят в России истинного соперника, прекрасно осознавая всю степень зависимости российской экономики от нефтепровода. Сейчас “в западном мире в целом утвердилось крайне скептическое отношение к самой возможности успешного и стабильного

развития стран, стремящихся основывать свои экономические успехи на укреплении сырьевого сектора” [28]. С точки зрения Иноземцева, это не просто недостижимая, но извращенная цель, ибо любые попытки восстановить статус сверхдержавы, опираясь на независимую экономику и на армию, слишком дорого обойдутся, обернувшись новыми лишениями и тяготами [27]. Историк Борис Орлов в своей статье для “Известий” занял такую же позицию: “Великодержавная ориентация вкупе с ростом расходов на военные нужды при сохранении бедственного положения значительной части населения таит в себе угрозу самораспада” [60].

По мнению западников, у России еще есть выбор между несколькими цивилизационными путями. Если Россия будет двигаться в евразийском направлении, утверждают они, последствия могут быть трагическими. Это будет означать совместную деятельность с другими членами Шанхайской организации по сотрудничеству, которая явно пытается “консолидировать пресловутое “евразийское пространство”” и добиться относительной экономической самодостаточности. Но страны-члены ШОС связаны между собой очень слабо, и лишь 8% их торгового оборота приходится на другие страны этой группы. Более того, при любом раскладе в этом образовании будет доминировать Китай, которому принадлежит 80% совокупного населения, 74% ВВП и военный бюджет, уступающий только США. Отнюдь не похоже, что лидеры Пекина готовы принимать во внимание внутри- и внешнеполитические интересы своих “партнеров”, к примеру, бороться с химическим загрязнением рек. Если такого рода “интеграция” будет развиваться, предупреждает Иноземцев, российским лидерам уготована роль “секретарей Московского обкома Коммунистической партии Китая”, поскольку свободных мест в Политбюро для них уже нет [29].

Националисты-прагматики. Еще заметнее во внешнеполитической риторике в последние годы президентства Путина преобладала позиция националистов-прагматиков, подкрепляемая властью самого президента и выгодным положением, которое России удалось занять на мировом энергетическом рынке. По большей части националисты-прагматики видели Россию партнером Запада и даже частью “глобального Запада”, возможно, не исключая Японии. Но вместе с тем они видели Россию *независимым* партнером со своими ценностями и интересами, а также притязаниями на роль лидера, по крайней мере среди прочих бывших советских республик. Ввиду изменившихся и более благоприятных обстоятельств некоторые из либеральных западников (такие, как Сергей Караганов) стали склоняться к прагматичному национализму, образовав его “либеральное” крыло, тогда как к более “консервативному” крылу можно отнести такие фигуры, как бывший премьер-министр Евгений Примаков. В ходе дискуссий сложилось понимание того, что сами по себе энергоресурсы не сделают Россию “великой державой” [77], однако бессмысленно скрывать тот факт, что именно они являются наиболее очевидным “конкурентным преимуществом” России [51].

Националисты-прагматики последовательно отстаивали приоритетность внутренних нужд России. Собственные ресурсы России “велики и практически нетронуты”, — отмечал Анатолий Чубайс в 2006 году, и успешная российская модернизация — “самая надежная основа для внешней привлекательности страны” [с.м.: 77]. Но по сравнению с западниками эти прагматики в большей мере апологеты курса, взятого под руководством Путина. Внутривнутриполитическое положение в России стало более стабильным, одним

из признаков чего является устойчивость рейтинга президента Путина, утверждает Евгений Примаков [65]. Согласно Караганову, текущие изменения в России — отнюдь не возврат авторитаризма, а “объективная реакция на полудемократический хаос 1990-х, который угрожал развалом страны”, и определенная консолидация, “необходимая после любой революции” [34]. Мигранян и его коллеги утверждают, что именно так и следует понимать новую доктрину “суверенной демократии”: не как “особую модель демократии”, но как способ ее обретения. В конце концов, те же самые страны Запада тоже “[пришли] к той идеальной модели... разными путями” [56].

На международной арене, по мнению националистов-прагматиков, приоритет следует отдавать бывшим советским республикам, входящим в СНГ, и интересам проживающих в этих странах и за их пределами соотечественников. Для Тренина, к примеру, СНГ — “постимперский проект”, в основе которого лежит “экономическая, цивилизационно-культурная привлекательность России, ее готовность и способность выступать не только в качестве эксплуататора ресурсов, но и гаранта безопасности и лидера модернизации для стран, которые будут готовы поддержать ее лидерство”. Это “не возврат к имперской политике царского или советского типа, а становление постимперских отношений в пространстве, которое в Кремле определяют как сферу преобладающих интересов РФ”. Однако руководству России следует воздержаться от непродуманных попыток манипулировать событиями в Украине, что может спровоцировать “настоящий конфликт” с Западом. Но гораздо большая опасность кроется в том, что Организация договора о коллективной безопасности и Евразийский экономический союз перейдут в подчинение Шанхайской организации сотрудничества, что приведет к экономической и геополитической зависимости России от Китая [77].

Многие, и среди них мэр Москвы Юрий Лужков, смотрят на вещи еще шире. В XXI веке, утверждает Лужков, складывается совершенно иной мировой порядок, с крупными “геополитическими материками” и новыми наднациональными политико-экономическими системами, общими глобальными рынками и обширными мегарегионами культурной и информационной коммуникации. Но при этом, хотя Россия принадлежит к европейской цивилизации, присоединение России к европейскому интеграционному проекту просто “невозможно”, и любые попытки сделать это закончатся плохо для обеих сторон. Россия в первую очередь должна стремиться к интеграции постсоветского пространства и мира своих соотечественников. Но позиция России более важная и действительно уникальная. У нее есть огромные запасы ресурсов, в том числе энергоносителей, что типично для стран мирового Юга. Наряду с этим у нее есть промышленное, военное и, самое главное, культурное достояние, характерное для развитого Запада. Соответственно, Россия является “мостом между разными мировыми цивилизациями”, и ее участие в мировой политике может служить основой для общей глобальной стабильности [51].

Националисты-прагматики скептически относятся к тому, что Запад действует из благих побуждений, и их возмущает критика с его стороны в адрес российской политики. Лужков настаивает, что Россия по-прежнему демократизируется, но по-своему, с учетом собственной культуры и обстоятельств. Идея “конца истории”, утверждает он, привела Запад к мысли, что построенное им общество — “наивысшее достижение цивилизации”, которое остальные страны должны будут “догонять”, и не всем это удастся. Этот

“геополитический эгоизм” позволял Западу игнорировать законные интересы других стран мира и вмешиваться в любую ситуацию в любой точке Земли на основании “гуманитарных” соображений и силой насаждать демократию точно так же, как ранее Советский Союз стремился распространить влияние коммунизма [51]. Другие его единомышленники пошли еще дальше. Директор Агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрий Орлов в своей статье для “Независимой газеты” обвинил США в попытках диктовать свою волю другим странам и в том, что на самом деле их интересует “контроль” над российскими энергоресурсами, а “распространение демократии” — это не более чем эвфемизм” [61]. Данная позиция близка к преобладающей в коммунистических и националистических кругах.

Еще более распространена среди националистов-прагматиков идея, что Россия просто “встает на ноги и пытается играть самостоятельную роль в качестве равного партнера с Западом” [57]. По мнению Караганова, одной из причин более критического отношения к России является именно “ее новый уверенный... тон внешней политики, ее заметная активизация” [34]. Маргелов предполагает, что Запад критикует Россию не потому, что демократия “отстывает”, а потому, что Россия начала проводить независимую политику [53]. Суть ситуации, с которой США и, возможно, многим другим силам в этом мире сложно смириться, утверждает Лужков, заключается в том, что Россия “вернулась на политическую арену”. Нет никакой “империи зла”, и Россия — никакой не “авторитарный монстр”, а просто страна, которая лучше, чем в недавнем прошлом, осознает свои национальные интересы и настолько же готова их защищать, насколько готовы США и другие страны мира. И в частности, она уже не желает позволять Западу и дальше пользоваться практически неограниченным доступом к своим природным ресурсам [51].

Это совсем не обязательно означает конфронтацию. Россия и Запад, поясняет Караганов, попросту “обречены на сотрудничество” [35]. Происходит возвращение к нормальным формам геополитической и геоэкономической конкуренции двух сторон, имеющих совершенно разные интересы в нескольких регионах мира — на Кавказе, в Центральной Азии и в Беларуси. Кроме этого, “темную тень” на отношения бросает возможная перспектива превращения Украины в часть НАТО [34]. Но несмотря на все это, Россия и Запад находятся “в одной лодке” [35]. И хотя России следует прилагать все усилия для продвижения собственных региональных интересов, она не должна забывать, что “с миром так называемых западных стран нас теперь объединяют интересы гораздо более высокого порядка” [34]. Запад, считает Лужков, до сих пор мыслит категориями холодной войны, в которой две стороны сражаются в своего рода глобальном боксерском поединке, в то время как более удачной была бы аналогия с шахматной партией, когда обе стороны должны соблюдать правила, или даже с футбольным матчем, в котором Восток и Запад играют в одной команде [51]. Ситуация, в которой, как сказал Горбачев, Россия играет роль “младшего партнера Запада, прежде всего США” [24], не может продолжаться.

Националисты-прагматики также склонны акцентировать важность “мультивекторной” внешней политики, ориентированной как на Азию, так и на Европу. Россия, утверждает Лужков, — это “ведущая держава евроазиатского пространства” [51]. С точки зрения Евгения Примакова, только та-

кая диверсификация, “а не сосредоточенность на одном каком-либо внешнеполитическом векторе” позволит России реализовывать свои национальные интересы [65]. Еще более настойчивый призыв к евроазиатскому подходу прозвучал из уст члена Совета Федерации Михаила Маргелова, рассматривающего “равновесие между ее западным и восточным направлениями” как “главный признак независимой внешней российской политики”. Это означает улучшение отношений с Индией и Китаем наряду с усилением Шанхайской организации сотрудничества и Единого экономического пространства, а также с возвращением России в Центральную Азию, но без отдаления от Европы, где обе стороны заинтересованы в сотрудничестве [53]. На самом деле этот сдвиг ориентации на Восток был демонстрацией того, как много общего между подходами России и Европейского Союза: “Я имею в виду стремление к демократическому, многополярному устройству мира. И уже это одно общее позволяет говорить о партнерстве России и Евросоюза” [54].

Националисты-фундаменталисты. Больше всего националистов-фундаменталистов беспокоит то, что на смену сбалансированному и многополярному миру пришел такой, в котором США и их союзники по НАТО пытаются установить глобальную гегемонию; при этом жертвами могут стать Россия и любая другая страна, способная оказать им сопротивление. Одним из ответов на этот вызов стал евразизм, по-прежнему широко представленный в официальных СМИ. Так, по мнению Дугина, высокие цены на нефть и газ на мировых рынках дают России возможность изменить мировой баланс сил, построив современную развитую экономику с опорой на передовые технологии и военно-промышленный комплекс. “Россия, — подчеркнул он, — может сохранить свой суверенитет, только возвратившись на позиции мировой сверхдержавы”. При этом не следует избегать таких терминов, как “империя”, “Великая Россия”, или “национальная миссия”, поскольку все страны современного мира, желающие выйти в лидеры, “имеют обширные амбиции и не стесняясь формулируют их” [18]. В любом случае либеральная риторика себя исчерпала, поэтому фундаменталисты наподобие Дугина предлагают использовать термины “народ” вместо прав человека, “державность” — вместо демократии и “социальная справедливость” — вместо свободного рынка [19].

Вопросы, беспокоящие Дугина, пересекаются с теми, которые волнуют носителей традиционно левых взглядов, озвучиваемые такими фигурами, как Юлий Квицинский, в советское время высокопоставленный дипломат, а ныне — депутат от Коммунистической партии. С точки зрения Квицинского и его единомышленников, со стороны США имеют место “претензия на руководство миром, попытки насильственного экспорта демократии, экономический и политический диктат с целью реализации своих национальных интересов, нежелание соблюдать нормы и принципы международного права и уважать Устав ООН” [46]. Националисты-фундаменталисты, такие как Квицинский, всерьез обеспокоены открытым заявлением НАТО о готовности действовать за пределами территории стран-членов Альянса: “Как ни крути, это заявка на право агрессии”. Любая реалистичная российская внешняя политика должна включать в себя положение о сотрудничестве с НАТО. Однако Вашингтон и его союзники по НАТО пытаются вынудить Россию действовать в соответствии с их собственными далеко идущими глобальными и региональными целями. “Это тупиковый путь, — комментирует Квицинский, — по-

сколькo он не обеспечивает должных позиций России как великой державы... и приведет к губительным последствиям для наших отношений с развивающимися странами, такими гигантами, как Китай, Индия, государства мусульманского мира. Нам надо сотрудничать с США, НАТО и ЕС в тех вопросах, где это отвечает нашим собственным интересам и где возможно совпадение позиций” [47]. В противном же случае, следует полагать, — нет.

Схожие опасения по поводу складывающегося международного порядка выражают и лица, близкие к левонационалистической партии “Родина”, такие как директор Института проблем глобализации Михаил Делягин. Для него, как и для Дугина, “либеральному проекту”, в котором Запад использовал Россию для реализации собственных коммерческих целей, пришел конец. Настало время заменить “предельно эгоистичный и потому разрушительный американский порядок” другим, “социальным, патриотическим и демократическим”, “обеспечивающим мирное и свободное развитие различных цивилизаций” [11]. Бывший лидер “Родины” и кандидат в Президенты России, экономист Сергей Глазьев, особо обеспокоен попытками США и некоторых других членов “Большой семерки” взять под контроль глобальные денежные потоки. Это не только дискриминирует все остальные страны, но, принимая во внимание ярко выраженную неустойчивость доллара, создает угрозу дестабилизации мировой финансовой системы в целом. Глазьев полагает, что России следует приложить все усилия, чтобы рубль был признан одной из резервных валют [23].

Недавнее усиление позиции России в международной среде за счет высокой цены на нефть и газ таит в себе опасность другого рода. Согласно Глазьеву, то, что Россия стала ведущим мировым экспортером нефти, вряд ли можно назвать благоприятным развитием событий, поскольку на деле это замедлит экономический рост, предполагающий, в конечном счете, научно-технический прогресс. Сырьевая специализация, предупреждает Глазьев, “обрекает нас на дальнейшее отставание и деградацию”. Иными словами, Путин “соглашается с ролью сырьевого придатка” [23], или, в формулировке Делягина, “сырьевой придаток” переименован в “энергетическую сверхдержаву” [12]. Другие полагают, что решение превратить Россию в энергетическую сверхдержаву означает, что “на развитие отечественной промышленности энергоресурсов не будет” [8]. Третьи считают такого рода стратегию “исторически ущербной”, поскольку она обеспечит сохранение конкурентного преимущества России в лучшем случае в течение следующих пяти–семи лет [45]. Если кто-то от этого и выиграет, пишет директор Института национальной стратегии Станислав Белковский, известный как критик Путина, то это представители Кремля, которых становится все больше в советах директоров крупнейших энергетических компаний [9].

Националисты-фундаменталисты яростно критикуют российскую элиту и иногда самого Путина. Делягин готов говорить о “предательстве” “так называемой элиты”, хранящей значимую часть личных средств в иностранной валюте, не вкладывающей деньги в российские компании, имеющей недвижимость в других странах и зависящей от мнения зарубежных аналитиков или грантодателей, а не собственного народа [12]. В некоторых случаях, как у Белковского, звучит и непосредственная критика лично Путина. “Долгая русская история, — писал он летом 2006 года в своей статье для независимой газеты “Ведомости”, — не знает более прозападного (и, в частности, проамериканского) лидера, чем Владимир Путин”. Путин дал Западу и, в

частности, Соединенным Штатам, то, чего они всегда хотели: политико-смысловую дезинтеграцию евразийского хартленда. В результате Россия утратила свое эксклюзивное положение на “географической оси истории”, а Вашингтон получил прямой доступ ко всем регионам Евразии, в том числе к транзитным коридорам, пролегающим вне и помимо России. Таким образом, — заключает Белковский, — восстановление Российской империи в Евразии стало “невозможным” [9].

Националисты-фундаменталисты в целом поддерживают Содружество независимых государств и любые другие формы интеграции в постсоветском пространстве. Это, безусловно, справедливо для традиционно левых, сожалеющих о том, каким образом был разрушен СССР, и напевают на создание нового большого союза. Квицинский, к примеру, настаивает, что “главной заботой” России должна быть ситуация на территориях, в прошлом входивших в состав Российской Империи, а позже — Советского Союза. На словах проявляя заботу о своих соотечественниках, сетует он, Россия на деле укрепила несправедливые границы и отделилась от собственного народа. Дмитрий Рогозин из партии “Родина” занял еще более жесткую позицию. Он обвинил российскую дипломатию в том, что она “методично сдавала международные позиции России. Позиции, которые наша страна кровью и потом завоевывала на карте Большой Европы не только в двадцатом веке... но и сто, двести, триста лет назад”. Раздел великой империи “искусственный” и “обратимый”. Не только Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Крым, но и “целые республики”, такие, как Беларусь, Украина и Казахстан, являются “потенциальными участниками процесса реинтеграции — сначала в общее конфедеративное государство, а затем и в единое унитарное государство” [69].

Националисты-фундаменталисты даже больше, чем прагматики стараются придерживаться сбалансированного подхода к Востоку и Западу. Заместитель председателя комитета Госдумы по международным отношениям, член фракции “Родина” Наталья Нарочницкая утверждает, что для проведения сильной и последовательной политики в отношении Запада России необходим сильный и последовательный азиатский вектор в ее политике. Контроль России над ее колоссальными природными ресурсами, прямая зависимость от них западных партнеров и растущая заинтересованность в них азиатских стран дает “исторический шанс”, который нельзя упустить, и потому Россия должна “восстановить в полной мере свою традиционную многовекторную политику евразийского равновесия” [59]. Коммунисты утверждают, что российские политические лидеры должны мыслить еще шире, устанавливая контакты с такими популярными мировыми лидерами, как Чавес и Моралес, восстановить связи с Кубой и Вьетнамом, чаще общаться с китайскими коммунистами и поддерживать тесные отношения с коммунистами Индии, “которые в существенной степени определяют курс этой страны” [83].

Мнения и интересы в российской внешней политике

Приведем несколько схематичную классификацию этих трех подходов к внешней политике по отдельным политическим предпочтениям трех выделенных нами групп (табл. 1), а также распределение сил, поддержкой которых они пользуются (табл. 2).

Таблица 1

Внешнеполитическая ориентация и выбор политики

Объект ориентации	Либеральные западники	Националисты-прагматики	Националисты-фундаменталисты
Россия	Европейская страна	В основном европейская, но не во всем	Евразийская либо уникальная
ЕС	Более тесные отношения, перспектива членства	Практическое сотрудничество	Практическое сотрудничество, но на фоне враждебного отношения
НАТО	Более тесные отношения, перспектива членства	Практическое сотрудничество	Восприятие как угрозы
США	Более тесные отношения	Практическое сотрудничество, при том, что интересы не всегда совпадают	Восприятие как еще большей угрозы
СНГ	Сомнительно, но можно сохранить в аспектах, сулящих практическую выгоду	Жизненно важный национальный интерес, желательна дальнейшая интеграция	Неэффективно, но дальнейшая интеграция желательна
ВТО	Вступить при первой возможности	Вступить в среднесрочной перспективе	Агент влияния Запада
Международная ориентация	Европа и США	Многовекторность	Многовекторность, со смещением в сторону Востока

Таблица 2

Внешнеполитические ориентации и их база поддержки

Либеральные западники	Националисты-прагматики	Националисты-фундаменталисты
Либеральная интеллигенция Некоторые министры (Греф, Кудрин) Некоторые партии (в первую очередь “Яблоко”, СПС)	Администрация президента Большинство в правительстве Партия власти и ее сателлиты Бизнес (особенно корпорации, ведающие природными ресурсами)	Православная церковь Силовики в администрации президента и правительстве Некоторые партии (в первую очередь КПрФ, “Родина”, ЛДПР)

Итак, какие общие выводы можно сделать из этого исследования?

1. Пожалуй, наиболее очевидный вывод состоит в том, что внешней политике России присуща долговременная преемственность, проистекающая, по крайней мере отчасти, из объективного географического положения и прочих обстоятельств. В течение веков, а не только полуторядцелителетнего посткоммунистического режима, россияне и их лидеры полемизировали об отношениях с внешним миром и, тем самым, о видении самих себя. “Либеральный” и западнический подход всегда был заметен, как, впрочем, и более “консервативный” славянофильский. Основные течения в российской внешнеполити-

ческой мысли в первые годы нового века становятся более понятны, если рассматривать их в связке с этими гораздо более ранними подходами.

2. Однако заметны также отражающие внутреннюю и внешнюю ситуацию тактические сдвиги, такие как консолидация сильной президентской власти и особая роль природных ресурсов России в завоевании ею своего места в международном сообществе. Оба этих фактора укрепили позицию националистического прагматизма, которую по большей части приписывают президентской администрации. В то же время эти перемены несколько усилили позицию националистов-фундаменталистов, которые теперь могут более аргументированно доказывать, что Россия может полагаться на собственные ресурсы, и ослабили позицию либеральных западников.

3. Такого рода распределение мнений не случайно. Хотя систематические основания их корреляции выходят за пределы данной статьи, можно говорить о существовании четкой зависимости между позицией по внешнеполитическим вопросам и совокупностью интересов, формирующих внешнюю политику посткоммунистической России. Разумеется, политические партии открыто демонстрируют приверженность определенной внешнеполитической позиции. Но очевидно также, что, к примеру, российский бизнес будет ассоциироваться скорее с прагматичным национализмом, а Православная церковь — с более фундаменталистской позицией. Позицию администрации президента и лично Путина следует рассматривать скорее как “уравновешивающий” фактор, сглаживающий острые углы в противостоянии разных интересов, не обнаруживая исключительной приверженности к какой-либо из крайностей.

Литература

1. Allison R., Light M., White S. *Putin's Russia and the Enlarged Europe*. — Oxford, 2006.
2. Almond G.A. *The American People and Foreign Policy*. — New York, 1950.
3. Америка России — друг или враг? // Известия. — 2005. — 25 февраля.
4. Арбатов А. Потеряла ли Россия Украину? // Независимая газета. — 2005. — 14 января.
5. Для России в решении французов больше минусов, чем плюсов // Время новостей. — 2005. — 31 мая.
6. Baker P., Glasser S. *Kremlin Rising: Vladimir Putin and the End of Revolution*. — New York, 2005.
7. Баталов Э.Я. Россия и Запад: эволюция российского общественного сознания. — М., 2002.
8. Батчиков С. Содом и Гоморра // Советская Россия. — 2006. — 30 марта; 4 апреля.
9. Белковский С. Россия — Запад: Западник Путин // Ведомости. — 2006. — 6 июня.
10. Чубарьян А. Европа единая, но делимая // Россия в глобальной политике. — 2003. — №. — С. 22–30.
11. Делягин М. Опозиция в глобальном шторме // Завтра. — 2006. — №4 (июнь).
12. Делягин М. Жертва может стать победителем // Завтра. — 2006. — №1 (май).
13. Россия — европейская страна? // Известия. — 2005. — 22 апреля.
14. Дугин А. США прибирают к рукам постсоветское пространство // Известия. — 2005. — 13 апреля.
15. Дугин А. Виктор Ющенко как зеркало российской геополитики // Российская газета. — 2005. — 26 января.
16. Дугин А. Внешнеполитическая эклектика или три стратегии российской внешней политики // Российская газета. — 2005. — 21 января.
17. Дугин А. Испытание Братиславой // Российская газета. — 2005. — 22 февраля.

18. *Дугин А.* Каким путем идти России? // Известия. — 2006. — 3 февраля.
19. *Дугин А.* Это конец ельцинской системы // Время новостей. — 2006. — 11 мая.
20. *Duncan P.* Russian Messianism: Third Rome, Holy Revolution, Communism and After. — London, 2000.
21. *Дзялошинский И., Дзялошинская М.* Что знают и что думают о России россияне // Евро. — 1999. — № 10. — С. 9–14.
22. *Фролов В.* Без паники // Ведомости. — 2005. — 18 марта.
23. *Глазьев С.* Чего изволите? // Завтра. — 2006. — № (февраль).
24. *Горбачев М.* О плюрализме и гласности в новой России // Российская газета. — 2006. — 9 июня.
25. *Holsti O.R.* Public Opinion and American Foreign Policy. — Revised ed. — Ann Arbor, 2004.
26. *Илларионов С.И.* Современная “пятая колонна”. — М., 2006.
27. *Иноземцев В.* Россия — ЕС: европейская миссия // Ведомости. — 2006. — 22 мая.
28. *Иноземцев В.* Войны не будет // Время новостей. — 2006. — 19 мая.
29. *Иноземцев В.* Московский обком КПК // Ведомости. — 2006. — 23 июня.
30. *Ищук А.* Россия должна защищать свои интересы на всем постсоветском пространстве // Время новостей. — 2005. — 27 мая.
31. *Караганов С.* Россия и Европа: трудное сближение // Российская газета. — 2005. — 1 апреля.
32. *Караганов С.* В ожидании позитива // Российская газета. — 2005. — 22 февраля.
33. Вы верите в “оранжевый заговор”? // Коммерсантъ. — 2005. — 14 мая.
34. *Караганов С.* Критическая масса // Российская газета. — 2006. — 15 мая.
35. *Караганов С.* Острые углы сотрудничества // Независимая газета. — 2006. — 27 июня.
36. *Косачев К.* Внешнеполитическая вертикаль // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 1. — С. 25–34.
37. *Косачев К.* Россия не сердится, она сосредоточивается // Российская газета. — 2005. — 2 февраля.
38. Помогает или мешает Запад развитию России? // Известия. — 2005. — 4 февраля.
39. *Косачев К.* Как вернуть взаимное доверие // Независимая газета. — 2006. — 24 апреля.
40. *Косачев К.* Сочи пишем, Петербург в уме? // Известия. — 2006. — 29 мая.
41. *Кривицкий Ю.* Драма на два голоса // Советская Россия. — 2005. — 14 мая.
42. *Кривицкий Ю.* Европа на распутье // Советская Россия. — 2005. — 4 июня.
43. *Kryshtanovskaya O., White S.* Putin’s militocracy // Post-Soviet Affairs. — 2003. — Vol. 19. — № 4. — P. 289–306.
44. *Kryshtanovskaya O., White S.* Inside the Putin court: a research note // Europe-Asia Studies. — 2005. — Vol. 57. — № 7. — P. 1065–1075.
45. *Кугушев С.* Угрозы завтрашнего дня // Завтра. — 2006. — №4 (август).
46. *Кеицинский Ю.* НАТО: Дранг нах Остен // Советская Россия. — 2006. — 8 июня.
47. *Кеицинский Ю.* НАТО — партнер сомнительный // Советская Россия. — 2006. — 22 апреля.
48. *Lane D.* The transformation of Russia: the role of the political elite // Europe-Asia Studies. — 1996. — Vol. 48. — № 4. — P. 535–550.
49. *Levintova E.* Revisiting Russian and Polish elite value orientations. Are the elites still committed to the original goals of post-communist transition? // Communist and Post-Communist Studies. — 2006. — Vol. 39. — № 1. — P. 175–199.
50. *Light M., White S.* Russia and President Putin: wild theories // The World Today. — 2001. — Vol. 57. — № 1. — P. 10–12.
51. *Лужков Ю.* Мы и Запад // Российская газета. — 2006. — 15 июня.
52. *Маргелов М.* Победители за победу прощения не просят // Газета. — 2005. — 6 мая.

53. *Маргелов М.* Внешняя политика должна быть национальной // Российская газета. — 2006. — 5 мая.
54. *Маргелов М.* Возвращение в Европу. Столкновения интересов с Евросоюзом продолжают // Независимая газета. — 2006. — 27 июня.
55. *Медведева И.Я., Шишова Т.Л.* Орден глобалистов: российская ложка. — М., 2006.
56. *Миграян А.* Мы не оригиналы // Известия. — 2006. — 16 мая.
57. *Миграян А.* Суверенная Россия и Запад // Известия. — 2006. — 26 июня.
58. *Miller W.L., White S., Heywood P.M.* Values and Political Change in Postcommunist Europe. — London, 1998.
59. *Нарочницкая Н.* Основа для исторической перспективы России // Известия. — 2006. — 15 февраля.
60. *Орлов Д.* Кто спасет Россию // Известия. — 2006. — 24 мая.
61. *Орлов Д.* Гнев сырьевого кардинала // Независимая газета. — 2006. — 1 июня.
62. *Ознобищев С.* Лабиринты партнерства // Российская газета. — 2005. — 29 марта.
63. *Поляничников Т.* Логика авторитаризма // Свободная мысль. — 2005. — № 1. — С. 57–63.
64. Предвыборная программа политической партии “Единая Россия” // Российская газета. — 2003. — 13 ноября.
65. *Примаков Е.* Нам нужны стабильность и безопасность // Российская газета. — 2006. — 13 января.
66. Программа Либерально-демократической партии России (ЛДПР), принятая на XIII съезде ЛДПР 13 декабря 2001 г. в г. Москве. — 2001. — Доступно на: <<http://www.budgetrf.ru/Publications/Programs/Party/ldpr2001/ldpr2001000.htm>>.
67. Программа российской объединенной демократической партии “Яблоко”. — 2006. — Доступно на: <http://www.yabloko.ru/Elections/2003/Program_2003/programma_03-05001.html>.
68. *Renz B.* Putin’s militocracy? An alternative interpretation of *Siloviki* in contemporary Russian politics // Europe-Asia Studies. — 2006. — Vol. 58. — № 6. — P. 903–924.
69. *Рогозин Д.* Вперед, к империи! // Завтра. — 2006. — № 4 (январь).
70. *Рябов А.* Евроремонт СНГ // Газета. — 2005. — 9 марта.
71. *Schneider E.* The Russian Federal Security Service (FSB) under President Putin // Politics and the Ruling Group in Putin’s Russia / Ed. by St.White. — Basingstoke, 2007.
72. *Сергунин А.А.* Российские дебаты по международным отношениям в посткоммунистический период // Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П.Циганкова, П.А.Циганкова. — М., 2005. — С. 97–122.
73. *Шевцова Л.* Россия — год 2005: логика отката // Независимая газета. — 2005. — 21, 25 января.
74. *Тренин Д.* Пока еще друзья // Ведомости. — 2005. — 28 февраля.
75. *Тренин Д.* Большая восточная стратегия // Ведомости. — 2005. — 14 февраля.
76. *Тренин Д.* Интеграция и идентичность. Россия как “новый Запад”. — М., 2006.
77. *Тренин Д.* Постимперский проект // Независимая газета. — 2006. — 30 января.
78. *Tsygankov A.P.* New challenges for Putin’s foreign policy // Orbis. — 2006. — Vol. 50. — № 1. — P. 153–165.
79. *Воронов К.* Два сверхдержавных “одинокства” // Независимая газета: Дипкурьер. — 2005. — 21 февраля.
80. *Zimmerman W.* Slavophiles and Westernizers redux: contemporary Russian elite perspectives // Post-Soviet Affairs. — 2005. — Vol. 21. — № 3. — P. 183–209.
81. *Зюганов Г.* Славянский союз — неизбежен // Советская Россия. — 2005. — 29 марта.
82. *Зюганов Г.* За нашу победу! // Советская Россия. — 2005. — 19 апреля.
83. *Зюганов Г.* Об организационно-политическом укреплении партии и работе с союзниками // Советская Россия. — 2006. — 20 июня.

Перевод с английского Дмитрия Гломозды